

Скальдическая поэзия

УДК 82-131

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-73-85

Игра с каноном как иконический прием в поэзии скальдов

Денис А. Голованенко

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
ventofavente@gmail.com*

Фёдор Б. Успенский

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
fjodor.uspenskiy@gmail.com*

Аннотация. Настоящая статья посвящена выявлению и анализу образчиков иконичности в отдельных произведениях скальдов. В своей статье мы будем понимать под иконичностью стремление скальда добиться невербального эффекта вербальными средствами. При этом речь пойдет о некоторых поэтических приемах, по определению лишенных универсальности, не объединяющихся по своей внутренней структуре ни в какую целостную группу. Характеристика таких явлений не может быть легкой, потому что они находятся на грани того, что поддается формализации, и того, что ей практически не подлежит. Из всего разнообразия подобного рода штучных, порой уникальных, а зачастую почти окказиональных средств оформления поэтического текста нас будут интересовать более всего те, что участвуют в создании непосредственных зрительных или акустических образов.

Ключевые слова: иконичность, скальдическая поэзия, поэтика, средневековая поэзия, Скандинавия

Для цитирования: Голованенко Д.А., Успенский Ф.Б. Игра с каноном как иконический прием в поэзии скальдов // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 1. С. 73–85. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-73-85

© Голованенко Д.А., Успенский Ф.Б., 2021

Playing with the Canon as an Iconic Device in Skaldic Poetry

Denis A. Golovanenko

*National Research University "Higher School of Economics",
Moscow, Russia, ventofavente@gmail.com*

Fedor B. Uspenskii

*V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia;
National Research University "Higher School of Economics",
Moscow, Russia, fjodor.uspenskiy@gmail.com*

Abstract. The main aim of the present paper is to identify and analyse the examples of iconicity in skaldic poetry. In our paper, we understand iconicity to mean a skald's desire to achieve a non-verbal effect by verbal means. The poetic devices that will be considered here do not, by definition, possess universality, do not form any integral group based on their internal structure. It cannot be a trivial task to characterise such phenomena, for they are found on the boundary between what can be formalized and what is beyond it. Across the spectrum of those singular, sometimes unique and often almost occasional, means of shaping the poetic text we shall be looking mostly into those participating in the creation of immediate visual or acoustic images.

Keywords: iconicity, skaldic poetry, poetics, medieval poetry, Scandinavia

For citation: Golovanenko, D.A. and Uspenskii, F.B (2021), "Playing with the Canon as an Iconic Device in Skaldic Poetry", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 1, pp. 73–85, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-73-85

Мысль о том, что скандинавская скальдическая поэзия была своеобразной лингвистической лабораторией, а сами скальды – стихийными, но весьма изощренными лингвистами, на сегодняшний день звучит почти тривиально. Характерно, что в их работе уровень конвенциональности, присущей языковому знаку как таковому, обыкновенно возрастает в несколько раз. Так, фонетическая оболочка, используемая в простой речи для обозначения жужжащего насекомого, может быть при соблюдении некоторых условий соотнесена с огромной птицей, и это не художественная метафора, продукт индивидуального авторского усилия, и не метафора общеязыковая, но лишь результат соблюдения некоторых вполне определенных семантических правил сложения кеннинга,

одной из главных единиц скальдической поэтики. Как известно, стандартный кеннинг не стремится уточнить, детализировать и расцветить зрительный образ того, к чему применен, спровоцировать у слушателя конкретное впечатление от конкретных свойств объекта или ситуации. Здесь достаточно вспомнить классические примеры его демотивированности, когда *вязом битвы* или *дробителем золотых обручей* может быть назван любой человек мужского пола – князь, простой ополченец, герой, трус, батрак на хуторе, зажиточный бонд или нищий.

Современному читателю приходится потратить столько сил на осознание этой особенности скальдического высказывания, что он может легко пропустить случаи проявления обратной тенденции, тем более что они весьма редки, нерегулярны и неединообразны и могут быть реализованы только на общем фоне повышенной конвенциональности. Тем не менее нам представляется важным продемонстрировать ряд эпизодов, когда скальд стремится напрямую уподобить языковые знаки, которые он создает, тому миру, который он изображает – не только описывая его, но пытаясь напрямую дать слушателю возможность его почувствовать. Такое внезапное понижение градуса конвенциональности – более существенное, чем то, что доступно в обычной речи – оказывается возможным, в частности, благодаря высокой сложности и чрезвычайной устойчивости формы скальдического стиха, а также отменной компетентности аудитории, умеющей мгновенно воспринимать подобные тексты на слух и сразу же ощущать малейшие колебания метрического канона.

При этом приходится помнить, что средства, применяемые скальдом для создания такого рода эффекта иконичности, по определению лишены универсальности и по своей внутренней структуре не объединяются ни в какую целостную группу. Как правило, ни в традиции в целом, ни даже в творчестве отдельного скальда они не тиражируются до масштабов приема. Характеристика подобных явлений не может быть простой и очевидной, потому что они находятся на грани того, что поддается формализации, и того, что ей практически не подлежит. Продемонстрировать, что мы вкладываем в понятие иконичности, и убедить читателя, что в скальдическом тексте она действительно есть, легче всего, отталкиваясь от конкретных казусов.

Первый из них, вися оркнейского ярла Рёгнвальда Кали, требует, пожалуй, меньше всего комментариев в силу своей прозрачности. В 1151 г. ярл со своими людьми отправляется в паломничество в Иерусалим, но их корабли терпят крушение у Шетландских островов. Им удается найти приют на хуторе неподалеку:

Þá vóru gjörvir fyrir þeim eldar stórir; ok bökuðust þeir við eldana. Ása hét heima-kona; Hón gèkk út til vatnz, ok önnur kona með henni. En [er] þær kvomu til vatnzins, steyptist Ása í brunninn í fjúkinu; en hon hljóp heim kalin mjök, ok mælti í skjálptanum; ok skildu men eigi hvat hon mælti. Jarl kveðst skilja túngu hennar, ok kvað: (Orkn. 1887, p. 151).

(Тогда развели большие огни, и они отогревались у них. Асой звали одну работницу. Она пошла наружу за водой, и другая работница вместе с ней. На улице был буран, и, когда они подошли к роднику, Аса упала в воду. Она прибежала домой очень замерзшая и говорила заикаясь, но никто не мог понять что. Ярл сказал, что понимает ее, и произнес:)

Dúsið ér, en Ása

– *atatata* – *liggr í vatni*,

– *hutututu* – *hvar skalk sitja?* –

– *heldrs mér kalt* – *við eldinn* (Orkn. 1887, p. 151).

(Вы <сидите> спокойно у огня, а Аса – *atatata!* – лежит в воде – *хутутуту!* Где мне сесть? Мне довольно холодно).

Как видно, основным прием, используемый здесь Рёгнвальдом, – это звукоподражание: речь трясущейся от холода служанки ярл воспроизводит с помощью междометий, *atatata* и *hutututu*. Существенно, однако, то обстоятельство, что эти междометия не просто отсылают к ситуации произнесения висы, пародируя одного из ее участников, но встраиваются в размер стиха: *atatata* создает и необходимую аллитерацию в первых двух строках (выделено курсивом), и рифму – во второй (выделено полужирным); аналогично функционирует и *hutututu*. Речь Асы, таким образом, будучи включенной в метрическую структуру висы, приобретает уже самостоятельное существование и становится поэтическим аналогом речи Асы, стоящей перед ярлом.

Второй пример, который мы хотели бы рассмотреть, – это виса исландского скальда Х в. Кормака Эгмундарсона, героя одноименной саги. Именно из нее нам известны и строфа, и обстоятельства ее сочинения; кратко их можно изложить следующим образом: по дороге на горные пастбища Кормак и пастух Гости останавливаются на ночь на хуторе Тунга, где в то время воспитывалась девушка по имени Стейнгерд, которая впоследствии станет роковой любовью скальда и сыграет драматичную роль в его жизни. Гости расположились в зале перед огнем, а затем

Um kveldit gekk Steingerðr frá dyngju sinni ok ambátt með henni. Þær heyrðu inn í skálann til ókunnra manna. Ambáttin mælti: “Steingerðr mín, sjám vit gestina.” Hon kvað þess enga þörf ok gekk þó at hurðunni ok sté upp á þreskjöldinn ok sá fyrir ofan hlaðann; rúm var milli hleðans og þreskjaldarins; þar kómu fram fœtr hennar. Kormákr sá þat ok kvað vísu: (Korm., p. 207)

(Вечером Стейнгерд вышла из своей каморки, и с ней была ее служанка. Они услышали незнакомые голоса в зале. Служанка сказала: «Стейнгерд, дорогая, посмотрим на гостей». Та ответила, что в этом нет нужды, но все-таки подошла к двери, встала на порог и заглянула под перегородку. Между порогом и перегородкой был промежуток, и в нем были видны ее ноги. Кормакек заметил это и произнес вису:)

Nú varðk mér í mínu
 (menreið) jótuns leiði
 (réttumk ristín) snótar
 ramma óst fyr skömmu;
 þeir munu fœtr að fári
 fald-Gerðar mér verða
 (alls ekki veitk ella),
 optarr an nú (svarra) (B1, p. 70)

(Вот появилась с недавних пор в моем ветре великанши [ДУХ] сильная любовь; носительница ожерелий [ЖЕНЩИНА=Стейнгерд] протянула в мою сторону стопу. Ноги Герд шапки [ЖЕНЩИНА=Стейнгерд] будут мне к опасности чаще, чем сейчас; ничего другого не знаю о деде).

Однако прежде чем перейти непосредственно к анализу этой висы, необходимо в самых общих чертах напомнить читателю о правилах скальдического стихосложения, потому что, именно актуализируя особенности поэтической формы, Кормаку удается создать словесный эквивалент действительности.

Дротткветт – размер, которым сложены висы Кормака, а также большая часть известных нам стихов других скальдов, – подразумевает строгую систему формальных правил¹. Дротткветтная строфа состоит из восьми строк, разделяемых на четные и нечетные; каждая из них содержит в общем случае шесть слогов, три из которых должны нести метрическое ударение. Обязательно ударными являются предпоследний слог каждой строки и первый слог четных строк – они же участвуют в создании аллитерации.

¹ Более подробно о них в [Clunies Ross 2012, pp. LVII–LXIV], [Гуревич, Матюшина 1999], [Frank 1978].

В поэзии скальдов аллитерация является одним из ключевых (наряду с внутренними рифмами, хендингами) способов звуковой и метрической организации поэтического материала. Она охватывает собой две соседние строки, нечетную и четную: первая должна содержать два аллитерирующих слога, в то время как вторая – так называемый главный слог (*hofudstafr*). В данном случае, как видно, первые шесть строк последовательно связаны аллитерацией на согласные: **mér, mínu | menreið; réttumk, ristín | ramma; fætr, fári | fald**, смещающейся в седьмой и восьмой строках на гласные: **alls, ella | oftar**. Сама по себе аллитерация на гласные нисколько не противоречит требованиям размера, однако ее появление именно в конце этой строфы, как кажется, обусловлено внетекстовой реальностью. Вспомним, как организовано пространство, в котором находятся Кормак и Стейнгерд: сам скальд и Гости сидят у огня в зале; этот зал ограничен дверью, открывающейся сверху вниз; за этой дверью, не закрытой до конца, стоит Стейнгерд – так, что в промежутке виднеется нижняя часть ее ног.

В висе Кормака можно усмотреть точное воспроизведение описанной ситуации: первые шесть строк, аллитерирующие на согласные, выступают в качестве незакрытой твердой двери, за которой следует пустое пространство, обозначенное гласными. В пользу этого предположения говорят, во-первых, сильно, по сравнению с соседними, просодически нагруженная шестая строка (типа D4: // x | \ / x, где / обозначает полное ударение, \ – второстепенное, и x – безударный слог), как бы ограничивающая «дверь», во-вторых, – слово «девушка» (*svaugga*), расположенное в этом промежутке, и при этом последним, и, наконец, в-третьих, – использование того же средства в следующей висе Кормака, сложенной практически сразу же вслед за предыдущей:

Nú finnr Steingerðr, at hon er sén; snýr nú í skotit ok sér undir skegg Hagbarði. Nú berr ljós í andlit henni. Þá mælti Tósti: “Kormákr, sér þú augn útar hjá Hagbarðs-höfðinu?”

Kormákr kvað vísu: (Korm., p. 208)

(Тогда Стейнгерд замечает, что ее увидели; она отскакивает в сторону и садится под бородой Хагбарда. Но вот на ее лицо падает свет. Тогда Гости сказал: «Видишь ли ты, Кормак, глаза там снаружи, под головой Хагбарда?»

Кормак произнес вису:)

**Brunnu beggja kinna
björt ljós á mik drósar
(oss hlœgir þat eigi)**

eldhúss of við feldan,
en til okla svanna
ítrvaxins gatk líta,
(þrú muna oss of ævi
eldask) hjá þreskeldi (B1, p. 70)

(Сверкнули мне яркие огни обеих щек [ГЛАЗА] девушки из-за упавшего [=дерева] палаты [ДВЕРЬ]; это нас не веселит; а на лодыжку благородно сложенной девы смог я посмотреть на пороге; желание наше никогда не состарится).

Здесь на согласные аллитерируют только первые две строки, в то время как во всех шести последующих созвучие создается с помощью гласных. На наш взгляд, изменение схемы аллитерации строфы может быть связано с изменением положения Стейнгерд: как и в предыдущей висе, согласные выступают здесь звуковым аналогом преграды, тогда как гласные – пустого неосвященного пространства, в котором прячется девушка. После того, как она приседает, объем этого пространства увеличивается, – в висе же Кормака новое положение Стейнгерд передается с помощью формальных средств, шести аллитерирующих на гласные строк подряд.

Нужно сказать, что время создания саги о Кормаке и аутентичность приведенных в ней вис не раз становились предметом дискуссий². И несмотря на то что аргументы тех исследователей, которые относят и сагу, и висы в ней к XIII в., представляются нам недостаточно вескими, – мы полагаем, что даже в том случае, если бы они были правы, это обстоятельство не противоречило бы нашей идее – о том, что в самых своих основных принципах скальдическая поэзия потенциально иконична. В данном случае не существенно, сопровождал ли висы Кормака прозаический комментарий изначально, считал ли его замысел составитель саги в XIII в. или сочинил эти висы сам – необходимым условием для того, чтобы любой из перечисленных сценариев осуществился, является сама возможность подобного применения поэтической формы.

Аутентичность нашего третьего примера подвергается меньшим сомнениям – это известная виса Халльфреда Трудного Скальда о мече, произнесенная перед его патроном, конунгом

---

²Если изображать эту дискуссию схематично, один из полюсов мнений представлен в ней исследователями, которые вслед за Теодором Мёбиусом и Финнуром Йоунссоном выводят и сагу, и висы из древней устной традиции, в то время как второй – теми, кто, подобно Бьярни Эйнарсону, видят в них результат работы одного автора XIII в. Подробнее см.: [O'Donoghue 1991, p. 7–16].

Олавом Трюггвасоном. Упомянутый меч Халльфред получает от Олава либо в награду за драпу о конунге (в отдельной саге о Халльфреде), либо в награду за имя Трудный Скальд, которое ему также дает конунг [вариант саги, включенный в «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне» (“Ólafs saga Tryggvasonar en mesta”)]. Олав, однако, ставит скальду условие: ножны к этому мечу он получит, только если сможет пронести его три дня, не причинив никому вреда. В условленное время Халльфред явился за ножнами, однако конунг подготовил ему еще одно испытание: он должен был сложить вису, в каждой строке которой было бы слово «меч» (sverð).

Hallfredr segir: “Við mun ek leita, ef þér vilið, ok allt mun ek til vinna at koma af mér yðvarri reiði”. Konungur mælti: “Kved nú þá”. Hallfredr kvað þá vísu:

Eitt es **sverð** þats **sverða**
sverðauðgan mik gerði;
 fyrir svip-Njörðum **sverða**
sverðótt mun nú verða;
 muna vans**verða**ð verða,
 verðr emk þriggja **sverða**
 jarðarmens³, ef yrði
 umbgerð at því **sverði**.

Konungr þakkaði honum ok kvað honum mikla íþrótt í skáldskap sínum ok gaf honum umgerð mjök vandaða...” (Hallfr., p. 161–162)

³Это слово, использованное здесь Халльфредом и переданное в переводе буквально, «ожерелье земли», не ясно. Там, где оно встречается в сагах, оно обозначает полосу дерна, под которой нужно пройти, например, во время обряда побратимства (Gísl., VI); в поэзии «ожерелье земли» может быть кеннингом для змеи или океана (LP 1931, p. 402). Финнур Йоунссон предлагал в этом месте вариант из другого манускрипта, “jarðar hljótr” (B1, p. 159), что, однако, сомнительно с метрической точки зрения. Кроме того, это слово стоит именно в той единственной строке, где отсутствует слово «меч» (sverð). Но можно ли предположить, что эта строка все же принимает участие в иконичности? На наш взгляд, весьма интересна мысль Гудбрандура Вигфуссона, предположившего, что Халльфред использует здесь ofljóst: под “jarðar mens”, «ожерельем земли» или «полосой дерна», нужно поэтому понимать “svqrðr”, «дерн», «трава», – а также «кожа». Такое чтение позволяет получить, с одной стороны, кеннинг (хоть и необычный) для ножен без исправления текста висы, а с другой – слово «меч» в этой строке, благодаря созвучию “svqrðr” и “sverð” (СРВ., II, p. 575).

(Халльфред говорит: «Я попытаюсь, если ты хочешь, и я сделаю всё, чтобы снять с себя твой гнев». Конунг сказал: «Говори же тогда». Халльфред произнес тогда вису:

Один меч мечей <что> сделал меня мечебогатым. Для стремительных Ньёрдов мечей [ВОИНЫ/МУЖИ] мечеобилие будет сейчас. Не будет неполномечно, – стою я трех ожерелий земли мечей [НОЖНЫ]* – будь ножны к этому мечу.

Конунг поблагодарил его и сказал, что он проявил великое мастерство в своей поэзии, и дал ему ножны прекрасной работы...).

На иконичность этой висы обратил внимание еще двадцать лет назад Р. Пул, отметивший, что «меч полностью подчиняет себе стих, заполняя его, как если бы сама дротткветтная строфа была ножнами для словно вооруженной тяжелым мечом поэзии» [Poole 2001, p. 135]. Мы полагаем, что его ценное наблюдение можно развить и дальше: дротткветтная строфа, поэтическая форма в прямом смысле выступает здесь в качестве ножен, в которые Халльфред вкладывает свой меч. Напомним, что именно вокруг этого предмета выстроен весь эпизод: получив от конунга меч, скальд ждет и обещанную вторую часть дара, но вместо этого Олав предлагает ему очередное испытание. Халльфред мастерски с ним справляется – и в то же время напоминает конунгу о сделке, с помощью стандартных средств поэтического языка воссоздавая ситуацию, во внеязыковой реальности еще не произошедшую: его меч оказывается в ножнах.

Халльфреду принадлежит и еще один пример, который мы хотели бы продемонстрировать. После гибели Олава в битве при Свёльде (1000 г.) Халльфред сочиняет о нем поминальную драпу («Erfdrápa Óláfs Tryggvasonar»). 27-я строфа этой драпы⁴ выглядит следующим образом:

Fyr mun heimr ok himnar,
hugreifum Óleifi,
– hann vas mennskra manna
mest gótt – í tvau bresta,
áðr an glíkr at góðu
gæðingr muni fœðask;
kœns hafi Krístr inn hreini
konungs qnd ofar lqndum (SkP I, p. 439)

(Прежде небо и земля разойдутся на две части, чем родится – он был наилучшим благом среди людей – благородный муж, равный достоинством духом радостному Олаву; да хранит душу мудрого конунга чистый Христос высоко над землями).

⁴ О количестве и порядке стрóf в этой драпе см.: SkP I, p. 387, 400.

Более всего в этой строфе нас интересует синтаксическая граница между хельмингами (полустрофами). Независимо от того, насколько сложен синтаксический узор в каждом из них, в соответствии с метрическими правилами он должен найти свое разрешение в пределах хельминга – иными словами, каждый хельминг должен представлять собой замкнутое синтаксическое единство. В данном случае синтаксическая граница между четвертой и пятой строками отсутствует, и элементы второй строки, *hugreifum Óleifi*, завязят от *gæðingr glíkr at góðu* в пятой и шестой. Это самый ранний известный пример такого нарушения – в следующий раз оно встретится только в поэзии XIV в. [Гуревич, Матюшина 1999, с. 333; Frank 1978, p. 87–88].

Два обстоятельства неоднократно отмечались в исследовательской литературе: что раскалывающееся надвое небо Халльфреда имеет вполне определенный и устойчивый эддический прообраз и что отсутствие традиционной границы хельмингов может быть связано с желанием скальда еще более явно выразить мысль о том, что никогда не появится человек, равный Олаву: подобно тому как не разделяются хельминги висы, не разойдется и небо [Гуревич, Матюшина 1999, с. 333, 381, примеч. 47; Frank 1978, p. 66]. Нам остается только указать на то, что эффект, используемый здесь Халльфредом, есть не что иное, как иконичность. В отличие от ее образцов, приведенных выше и основанных на изобретательном, а в случае с предыдущей висой Халльфреда – и экстравагантном, но все же «легитимном» обращении со скальдическим каноном, в данном случае иконичность достигается благодаря прямому нарушению метрического правила, что, однако, позволяет скальду создать более ясную аналогию между образом, небом, раскалывающимся в конце времен, и структурой строфы, двумя хельмингами, ее составляющими.

Тот порядок, в котором мы приводили наши примеры, во многом обусловлен характером самого материала: Рёгнвальд и Кормак, создающие поэтические подобию конкретных ситуаций, поэтому находятся в начале, а виса Халльфреда, отсылающая к образу более абстрактному, основанному на другом тексте, – в конце. Допустимо было бы руководствоваться и другими критериями – теми элементами поэтического языка, с помощью которых иконичность достигается, или степенью взаимосвязи поэтического и прозаического текста (что, впрочем, может и увести нас в сторону). Для более строгой классификации необходим, однако, более обширный корпус примеров, поиск которых представляется нам задачей весьма перспективной.

В данной научной работе использованы результаты проекта «Запреты в средневековом обществе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.; публикация подготовлена в ходе работы (№ 21-04-066) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2020–2021 гг.

The results of the project “Taboos in medieval Europe” carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2021, are presented in this work.

Источники и сокращения

- B1 – Den norsk-islandiske Skjaldedigtning. B: Rettet tekst / ved Finnur Jónsson. B. I. København, 1973.
- CPB (1883) – *Corpus Poeticum Boreale: The poetry of the Old Northern tongue from the earliest time to the thirteenth century* / Ed., classified and translated with Introduction, Excursus, and Notes by M.A. Gudbrand Vigfusson, F.Y. Powell. Vol. II. Oxford, 1883.
- Gísl. – Gísla saga Súrssonar [Электронный ресурс]. URL: <http://norroen.info/src/isl/gisli/on.html> (дата обращения 11.02.2020).
- Hallfr. – Hallfreðar saga vandræðaskálds // Íslenzk fornrit VIII / Einar Ól. Sveinsson gaf út. Bls. 133–200. Reykjavík, 1939.
- Korm. – Kormáks saga // Íslenzk fornrit VIII / Einar Ól. Sveinsson gaf út. Bls. 201–302. Reykjavík, 1939.
- LP 1931 – *Sveinbjörn Egilsson. Lexicon Poeticum Antiquae Linguae Septentrionalis* / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1931.
- Orkn. 1887 – *Orkneyinga Saga // Icelandic Sagas and Other Historical Documents Relating to the Settlements and Descents of the Northmen on the British Isles* / Ed. by Gudbrand Vigfusson. Vol. I. London, 1887. P. 1–222.
- SkP I – *Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages* / Ed. by D. Whaley. Vol. 1. Turnhout, 2012.

Литература

- Гуревич, Матюшина 1999 – *Гуревич Е.А., Матюшина И.Г.* Поэзия скальдов. М.: РГГУ, 1999.
- Clunies Ross 2012 – *Clunies Ross M., Gade K.E., Guðrún Norðal, Marold E., Whaley D., Wills T.* General Introduction // *Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages* / Ed. by D. Whaley. Vol. 1. Turnhout, 2012. P. XIII–XCV.

- Frank 1978 – *Frank R.* Old Norse Court Poetry. The ‘Dróttkvætt’ Stanza. Ithaca, 1978.
- O’Donoghue 1991 – *O’Donoghue H.* The Genesis of a Saga Narrative: Verse and Prose in ‘Kormaks Saga’. Oxford, 1991.
- Poole 2001 – *Poole R.* The Relation Between Verses and Prose in Hallfreðar saga and Gunnlaugs saga // *Skaldsagas: Text, Vocation, and Desire in the Icelandic Sagas of Poets* / Ed. by R. Poole. Berlin; N.Y., 2000. P. 125–172.

References

- Clunies Ross, M., Gade, K.E., Guðrún Nordal, Marold, E., Whaley, D. and Wills, T. (2012), “General Introduction”, Whaley D. (ed.), *Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages*, vol. 1, Turnhout, Belgium, pp. XIII–XCV.
- Frank, R. (1978), *Old Norse Court Poetry. The ‘Dróttkvætt’ Stanza*, Ithaca, USA.
- Gurevich, E.A. and Matyushina, I.G. (1999), *Poeziya skaldov* [Skaldic poetry], Moscow, Russia.
- O’Donoghue, H. (1991), *The Genesis of a Saga Narrative: Verse and Prose in ‘Kormaks Saga’*, Oxford, UK.
- Poole, R. (2001), “The Relation Between Verses and Prose in Hallfreðar saga and Gunnlaugs saga”, Poole, R. (ed), *Skaldsagas: Text, Vocation, and Desire in the Icelandic Sagas of Poets*, Berlin; New York, pp. 125–172.

Информация об авторах

Денис А. Голованенко, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3; ventofavente@gmail.com

Фёдор Б. Успенский, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, Москва, Россия; 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2;

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3; fjodor.uspenskiy@gmail.com

Information about the authors

Denis A. Golovanenko, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia; bldg. 3, bld. 21/4, Staraya Basmannaya Street, Moscow, Russia, 105066; ventofavente@gmail.com

Fedor B. Uspenskii, Dr. of Sci. (Philology), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 18/2, Volkhonka Street, Moscow, Russia, 119019;

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia; bldg. 3, bld. 21/4, Staraya Basmannaya Street, Moscow, Russia, 105066; fjodor.uspenskij@gmail.com